

Эхсан Шаукат

Пламя страсти

Эхсан Шаукат
Пламя страсти

Шаукат Э.

Пламя страсти / Э. Шаукат —

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эсхан Шаукат

Пламя страсти

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сквозь сон Эвелин показалось, что откуда-то доносился бой барабанов. Открыв глаза, она поняла, что барабаны – вовсе не сон, врывающиеся в спальню звуки с каждой минутой становились все более отчетливыми. Торжественный марш! Эвелин спрыгнула с кровати и побежала к окну. В просвет густой листвы растущего у дома дерева она увидела на плацу, начавшемся сразу за лужайкой, солдат, построенных в каре. Что-то случилось! Но что именно? Чтобы рассмотреть получше, Эвелин нагнулась вперед...

– Мисс-сахиб Эвелин, что вы делаете? Ведь вы не одеты! А если кто-нибудь вас увидит?

Эвелин вздрогнула и отвернулась от окна. Из-за барабанного боя она не услышала, как в комнату вошла Миана, ее няня-туземка.

– Миана, что там случилось? Зачем собрали всех солдат?

– Не надо смотреть, мисс-сахиб, для вас там нет ничего интересного. Они будут наказывать провинившегося сипая, вот и все дела.

– А в чем его вина? И что же они теперь будут с ним делать? Неужели расстреляют?

– Нет, нет. Наверное, сержант Фариг прикажет наказать его плетями. Проступок не так уж серьезен.

– Но что же такого он совершил? Расскажи мне, Миана.

– Хватит об этом, мисс-сахиб. Это не женское дело. Ваша мать будет сердиться, если узнает, что вы суете нос в дела военных. Кстати, мне пора нести чай. А вы одевайтесь поскорее!

С этими словами располневшая с годами смуглокожая няня, тяжело ступая по половицам, вышла из небольшой, но со вкусом обставленной комнаты.

Эвелин подождала, пока шаги Мианы стихли в конце коридора. Подойдя к платяному шкафу, взялась за ручку. В этот момент вновь раздался призывный грохот барабанов. Эвелин схватила халат, накинула его на ночную рубашку, подцепила босоножки и тихонько отворила дверь. В коридоре никого. Бесшумно преодолев его, Эвелин спустилась по лестнице и вышла на свежий утренний воздух. Остановилась и осмотрелась. И здесь никого. Пригнувшись, она побежала к густому кустарнику, который тянулся сразу же за калиткой в невысоком заборе, сложенном из желтых каменных плит. Осторожно раздвинув ветки, Эвелин увидела парадный плац...

Седьмой Ее Величества Королевы Виктории уланский полк был выстроен в полном составе. Взоры всех шеренг были обращены к центру плаца, где высился неотесанный деревянный столб. Здесь стоял сержант-сикх, отличавшийся могучим телосложением и густой черной бородой. Барабанный бой усилился. Послышалась отрывистая команда и двое ординарцев вывели из строя высокого человека, горделивая осанка которого указывала на его принадлежность к племени тхали. Эвелин видела его впервые. Ростом незнакомец явно превосходил шесть футов, он был до пояса обнажен, грудь отливала бронзой в лучах утреннего солнца.

Стражи подвели тхальца вплотную к деревянному столбу, вытянули вперед его руки и накинули на запястья веревку. Через минуту он был крепко привязан к столбу, и тут же раздалась новая команда. Барабаны забили в полную силу. Чернобородый сержант, похожий на индийского Геркулеса, поднял что-то с земли. Это была знаменитая плеть-"девятихвостка", ее составляли длинные и тяжелые бичи из кожи, выделанной особым способом. Каждый «хвост» заканчивался туго скрученным узлом. Говорили, что мало кто может вынести нака-

зание «девятихвосткой», если за нее берется специалист. А глядя на сикха-сержанта, можно было ручаться, что он это дело знает...

"Девятихвостка" взвилась высоко в воздух и со свистом рассекла его. Первый удар обрушился на жертву. Эвелин впиалась взглядом в тхальца, но тот стоял по-прежнему прямо, только прикрыл глаза... Перед каждым ударом зловеший свист предупреждал, что сейчас твердые как сталь узлы начнут сдирать кожу и вопьются в мясо. И спина тхальца готовилась к встрече со страшным бичом, он вздрагивал за долю секунды до соприкосновения с орудием пытки.

– Двадцать шесть!.. Двадцать семь!

На лице наказываемого не отражались ни боль, ни страдание. Может быть, он владел секретом йоги, умел отводить от себя любые ощущения, в том числе и болевые?

– Тридцать три!.. Тридцать четыре!

Вся спина привязанного к столбу человека уже представляла собой сплошное кровавое месиво, с боков свисали узкие рваные полоски кожи. Не отрываясь, Эвелин смотрела на происходящее. Сердце ее часто билось. Человек у столба был негибим, жестокая пытка не достигала нужных палачу результатов...

– Сорок пять!.. Сорок шесть!

Эвелин почувствовала, как на нее накатывает волна страшного возбуждения. Ей вдруг захотелось, чтобы боль от ударов «девятихвостки» стала еще мучительнее.

– Быстрее, – прошептала она. – Сильнее!.. Бей его! Сильнее!

Теперь Эвелин ловила каждое движение бича. Прильнув к кустарнику, она ощутила, как охватившее ее возбуждение сменяется острым дотолем неведомым удовольствием...

И вдруг тхалец покачнулся. Окровавленное туловище накренилось, ноги подкосились... Через секунду у столба лежало нечто бесформенное... Но не безжизненное – издали было видно, как измученное тело то и дело сводили судороги...

Эвелин закрыла глаза. Ее подташнивало, ноги и руки онемели. Между ногами почему-то стало мокро. От этого ощущения затошнило еще больше. Потом надвинулся непонятный страх. Собрав все силы, Эвелин в последний раз посмотрела на кровоточащее тело и бросилась к дому.

* * *

Солнце собиралось садиться. Настенные часы пробили пять раз. Птицы в саду сбились в суетливые стаи, своим щебетанием возвещая о скорой прохладе. Послышался удаленный звук горна, предназначенный для солдат Ее Величества и говорил о завершении очередного дня их службы. Миссис Элизабет Беллингэм, жена командира полка, торопилась покинуть сад, мелкими шажками она семенила по посыпанной белым песком дорожке. Чтобы не запачкать длинную темно-синюю юбку, она аккуратно приподняла ее край и придерживала в дюйме от земли.

– Эвелин, ты не забыла про сегодняшней вечер? Пора одеваться!

– Она в ванной, мэм-сахиб, – ответила вездесущая Миана.

Когда до Эвелин долетели слова матери, она уже держала в руках полотенце. Перед ней на деревянном столике стояло небольшое круглое зеркало. Эвелин внимательно осмотрела свое лицо. В зеркале отразились большие голубые глаза и маленький, чуть вздернутый нос. Когда-то в детстве у нее были веснушки, теперь не осталось ни одной. Она приоткрыла рот и оскалила зубы. Все в порядке. Хотя не совсем – у одного еще в прошлом году обломился кусочек. Но это незаметно. Эвелин плотно сжала губы, они показались ей бледными. Чтобы покраснели, надо их немного покусать. Так хорошо...

Забросив за спину длинные светлые волосы, она взяла зеркало в руку и поднесла к груди, снизу, сперва к одной, потом к другой. Критически посмотрела сверху и осталась

довольна: в зеркале отражались почти идеальные полусферы почти молочного цвета. И в центре каждого – как будто ягоды лесной земляники... Двигая зеркало вниз, Эвелин опустила его на уровень живота, а рукой обвела круглое углубление пупка. Сдвинула руку еще ниже, к пушистому холмику, сплошь покрытому вьющимися золотистыми волосами. Здесь она заколебалась, бросила быстрый взгляд на дверь, чтобы убедиться что она закрыта. Вытянула вперед одну ногу и положила на стул, стоящий рядом со столом. Осторожно поместила зеркало между ногами... Раздвинула рукой густо заросшие складки больших губ. Когда те открылись, появились другие, совсем маленькие губки... Эвелин нагнулась и нетерпеливо заглянула в узкий розовый канал... Еще раз смущенно оглянувшись на дверь, вдвинула чуть-чуть указательный палец в розовый вход. Тут же испугавшись вынула его и начала нежно массировать гладкую и влажную плоть. Сначала движения пальца были круговыми, потом стали продольными, более резкими, палец своей подушечкой надавливал на алеющую, трепещущую кожу малых губ. Назад, вниз и обратно – к животу! Снова назад и обратно вверх! Еще! Еще! Еще! Инстинкт подсказывал Эвелин, что в этих движениях чего-то не хватает. А что, если потрогать эту маленькую почку, слегка нависающую над входом в раскрывающуюся глубину, если придавить этот комочек, а потом отпустить... Как это приятно! Какое наслаждение! А если этому пальцу (он совсем мокрый) помогать другим?

– Мисс-сахиб Эвелин, вы готовы?

В панике Эвелин выпрямилась, убрала ногу со стула, положила зеркало на столик.

– Ваша мама ждет вас.

– Да, Миана, зайди пожалуйста. Ты сможешь мне одеться.

Грузная няня, переваливаясь точно утка с боку на бок, вошла в комнату. В руках она держала новое платье Эвелин, сшитое из оранжевых кружев. Миана помогла девушке расчесать длинные волосы, вдвоем они разделили их на два отливавшие золотом крыла, сплели тяжелые косы, которые уложили на голове в виде короны. Потом няня затянула на Эвелин корсет из китового уса – это сделало талию девушки удивительно узкой. После этого Миана поднесла Эвелин нижнюю юбку с накрахмаленным криолином и ловко надела ее сверху, через голову. Еще три минуты и на Эвелин уже было бальное кружевное платье. В то время, как Миана, неуклюже шевеля толстыми пальцами застегивала одну за другой перламутровые пуговицы на спине воспитанницы, Эвелин решила вернуться к тем вопросам, которые уже задавала утром.

– Миана, пожалуйста, скажи – за что сегодня наказывали сипая?

– Когда вы перестанете быть такой назойливой, мисс-сахиб? С вашим любопытством легко можно напроситься на неприятности.

– Но я не спрашиваю ничего особенного. Мне просто интересно.

– Да я толком и не знаю в чем дело. Ведь этот сипай – с севера, а здесь многие из тех мест пользуются дурной славой.

– Ну и что, что с севера? Чем он провинился?

– Я сказала, что не знаю. Наверное, отказался выполнить какой-нибудь приказ... Скорее, вам уже пора.

Эвелин вздохнула. В гарнизоне Миана славилась тем, что была в курсе всех повседневных дел. Что бы ни произошло в семье английского офицера или в жизни солдат-сипаев, в тот же день это становилось ей известным. И в общем-то Миане нравилось, когда ее приглашали на чашку чая, чтобы посплетничать. Но иногда, по непонятным причинам, Миана делалась неприступной, из нее невозможно было вытянуть ни слова. Эвелин поняла, что сейчас как раз такой случай и с этим ничего не поделаешь...

* * *

Зал, в котором все было готово к танцам, сиял множеством огней. На эстраде расположился военный оркестр, сегодня он был представлен музыкантами кавалерийского полка – это было заметно по алым мундирам, расшитым золотыми галунами. Красавец-дирижер взмахнул палочкой и полились звуки первого вальса. Женские платья, по большей части выписанные из Англии, соперничали друг с другом в стремлении не отстать от парижской моды. Среди блестящих офицерских мундиров попадались клетчатые юбки шотландцев, забавно выглядывшие над волосатыми ногами...

На расставленных вдоль стен креслах восседали мамыши, не спускавшие глаз с дочерей, вальсировавших с молодыми офицерами. Женатые офицеры не танцевали, вместе со старшими командирами они собрались в противоположном от оркестра конце зала. Смуглокожие слуги лавировали меж ними, ловко держа на вытянутой руке поднос с фужерами. Однако, наибольшее удовольствие от бала получали, казалось, те, кто был вне зала. Снаружи, у каждого окна толпились закутанные в сари женщины, у многих на руках были дети. Завороженно наблюдали они за непонятным поведением круживших парами белых людей, расширенные глаза с изумлением вопрошали, как можно прилюдно предаваться столь интимному ритуалу.

Откинув голову назад, Эвелин танцевала с недавно прибывшим в Индию лейтенантом. Ей нравился вальс, и она охотно отдавала себя во власть ритма музыки и крепких рук партнера. Опыняющий экстаз сделал тело воздушным, невесомым, ни о чем не хотелось думать, а закрыть глаза и кружиться, кружиться...

Внезапно Эвелин услышала голос своего отца. Да, это был он. Сейчас она и ее кавалер были возле группы офицеров, в центре которой стояли полковник Беллингэм и майор Грэнвилл.

– Что будем делать с сипаем? Ему сегодня здорово досталось? – спросил Грэнвилл.

– с Абулшером? Вообще-то он неплохой парень. Только, как все эти тхальцы, слишком уж своевольный. Может заупрямиться и не выполнить приказ. Но выгонять его не стоит. Он ведь настоящий кудесник по части лошадей. Они слушаются его, как никого другого. Лучше всего было бы приставить его конюхом в дом к кому-нибудь из старших офицеров. Может быть, к вам, Грэнвилл?

– Нет, спасибо, у меня хороший конюх. Но я знаю, что ваша Эвелин часто ездит верхом по окрестностям. Причем одна. А это небезопасно! Что если вам взять Абулшера для Эвелин? Он стал бы, как раньше говорили, ее грумом.

– Гм, пожалуй, это хорошая идея. Завтра же утром поговорю об этом с Фаригом. Говорят, что на севере, у мусульман, принято относиться к женщинам с особым почтением. Во всяком случае, собственных жен они так оберегают, что держат их взаперти.

И оба рассмеялись.

Сердце Эвелин замерло, потом учащенно забилось. С эстрады неслись последние аккорды очередного танца. Эвелин кивнула лейтенанту, извинилась и торопливо направилась в сторону дамской туалетной комнаты. Но не вошла туда, а устремилась к выходу. Привратник открыл ей дверь и Эвелин вышла в сад.

Попад из ярко освещенного зала в темноту, она остановилась. Наступившая ночь наполнилась треском цикад и кваканьем древесных лягушек. А где-то далеко раздавался вой голодной гиены. Понемногу глаза Эвелин освоились, и она зашагала к конюшням, темневшим за оградой. Пройдя половину пути, она замедлила шаги. "Что я делаю? Куда иду? К нему? А зачем? Что я ему скажу?". Но ответов не было, перед глазами стояло манящее к себе бронзовое тело, вздрагивающая перед каждым ударом бича спина, стекающие по ней ручейки крови...

За спиной девушки послышались тяжелые шаги. Испуганно оглянувшись, она узнала Насима, слугу своего отца. Он тоже узнал ее.

– Мисс-сахиб Эвелин, что вы здесь делаете?

– Я...

Я хочу видеть... Абулшера.

– Абулшера?!

– Да, его. Он теперь будет заниматься моими лошадьми, об этом я и хотела бы с ним поговорить.

– Зачем вам утруждать себя, мисс-сахиб? Я передам ему все ваши распоряжения. И прослежу, чтобы все было сделано.

– Нет, мне...

Мне надо самой. Будь добр, вызови Абулшера сюда.

– Как вами угодно, мисс-сахиб.

Задержав на Эвелин удивленный взгляд, Насим удалился. Она стала ждать. Время тянулось томительно долго. Сейчас в Эвелин боролись два противоположных желания: броситься бежать отсюда и видеть человека, притягивавшего к себе, подобно магниту. Танцы еще, конечно, продолжаются. Там, среди огней и цветов, так уютно... И главное – безопасно. Эвелин уже сделала шаг, но неведомая сила сковала ее движения. "Господи, как это глупо. Чего я боюсь? Он всего-навсего слуга. Какая я дура! Надо взять себя в руки... Господи, пусть он выйдет..."

– Мисс-сахиб...

Голос был тихим, но в ушах Эвелин произнесенное слово прозвучало как выстрел. – Вы...

Ты...

Нужные слова не шли на ум Эвелин. Лицо тхалеца выражало недоумение.

– Вы звали меня?

Только теперь Эвелин взглянула на него. Ее удивило, что вблизи Абулшер оказался еще выше, чем представлялось издали. Тхалец был одет в длинную белую рубаху навыпуск, она доходила ему до колен. На голове не было чалмы, черные волосы были коротко подстрижены. Несмотря на темноту, Эвелин рассмотрела его глаза – зеленые и холодные.

– Вы хотели видеть меня? – повторил тхалец.

– Да... Я...

Ты будешь моим грумом, и я хочу покататься верхом завтра утром, еще до завтрака... Так что подготовь Вулкана к половине восьмого. А себе можешь взять Дэзи.

– Понятно. Будет сделано. Это все, мисс-сахиб?

В заданном вопросе можно было различить замаскированную усмешку.

– Да, все. Но... – она запнулась. – Надеюсь, ты можешь ехать верхом? – Я не болен.

Эвелин почувствовала, что у нее краснеют щеки. Своим вопросом она хотела выразить сострадание, а тхалец делал вид, что не понимает этого. Нахмутив брови, Эвелин промолвила:

– Так что, для тебя это нормально, когда тебя бьют?

Тотчас зеленые глаза остекленели. И даже как будто засветились в темноте, подобно кошачьим. В какой-то момент Эвелин показалось, что Абулшер готов ударить ее. Следующая фраза далась ему явно с трудом.

– Это все, мисс-сахиб?

– Да, – прошептала она.

– Я буду ровно в семь тридцать у вашего дома, мисс-сахиб. Салам.

– Салам.

Перед мысленным взором Эвелин предстал человек, содрогающийся от ударов свистящего бича. Все-таки жаль его...

- Абулшер!
- Да, мисс-сахиб.

Он остановился, но не повернулся, как это должен был бы сделать слуга. Лишь повернул голову.

- Нет, ничего.

Абулшер невозмутимо продолжил свой путь к конюшням. Эвелин опять стало не по себе. "Какая же я все-таки глупая..."

Как я могла позволить ему так унижить себя? – Кулаки ее сжались от ярости. – Ну, погоди, темнокожая скотина! Я тебе это припомню! Я научу тебя, как себя нужно вести!" Вдруг Эвелин сообразила, что грозитя точно так же, как ее отец, когда устраивает очередной разнос туземцам. Это дало ей разрядку. Улыбнувшись, Эвелин пошла по дорожке, ведущей к зданию, в котором еще полчаса назад она так безмятежно отдавалась ритму вальса. В дверях парадного входа она столкнулась с Фрэнсисом.

- Эвелин, ну куда же вы пропали? Ваша матушка вне себя!

- Я ходила к конюхам, чтобы распорядится на счет лошадей на завтра.

– Но я бы сделал это для вас, надо было только сказать мне. Как вы можете одна ходить ночью по местам, где живут туземцы? Они не любят, когда белые интересуются их жизнью. Я уж не говорю, что ваша мама волнуется...

Эвелин увидела, что ее мать как раз спускается с лестницы. Ее лицо не предвещало ничего хорошего, сейчас разразится скандал.

- Быстро, Фрэнсис, пошли танцевать!

Он понимающе улыбнулся и взял ее под руку.

- Хорошо, Эвелин, но больше вы не делайте так.

И снова она погрузилась в волны музыки... Чувствовала у себя на талии сильную руку. Опустив веки, представляла себе, что эта рука принадлежит человеку с зелеными глазами...

* * *

Уже целый час они ехали верхом. Эвелин впереди, Абулшер следовал за ней на почтительном расстоянии. Она плохо выспалась, всю ночь во сне кто-то гнался за ней. Несколько раз она пробовала заговорить со своим провожатым, но каждый раз он отвечал вежливо, но односложно. Это злило Эвелин.

- Поворачиваем обратно, – скомандовала она.

Не говоря ни слова, тхалец развернул свою лошадь. Теперь девушка видела его спину. Неожиданно Эвелин захотелось замахнуться хлыстом и со всей силой ударить по белой рубашке – так, чтобы на ней выступила кровь...

- Почему ваши мужчины так плохо относятся к своим женам?

- Почему плохо, мисс-сахиб?

- Они у вас сидят взаперти, у них нет никаких развлечений.

- Это не так, мисс-сахиб. Развлечений у них хватает.

Опять в его словах чувствовалась скрытая усмешка.

– Никакие развлечения не могут заменить свободу, – повысила голос Эвелин. Абулшер не ответил. Весь путь до дома они проехали в полном молчании. У ворот Эвелин спрыгнула на землю, небрежно бросила тхальцу поводья и кивком головы дала понять, что на сегодня он свободен.

* * *

В этот день Эвелин не знала, чем ей заняться. Долго со скучающим выражением лица слонялась из комнаты в комнату. Когда около полудня мать предложила ей навестить заболевшую жену капитана Роджерса, Эвелин так охотно согласилась, что миссис Беллингэм удивилась.

У миссис Роджерс был очередной приступ тропической лихорадки. Ее нудный рассказ о том, как на нее действуют принимаемые лекарства, быстро утомил Эвелин. Выбрав удобный момент, она пожаловалась на головную боль и попросила у матери разрешения отправиться домой. Вернувшись к себе, Эвелин вновь ощутила тоску и одиночество. Пробовала читать, долго лежала на диване в гостиной. Желание чего-то неизведанного не давало ей покоя. В конце концов она вышла из дома и направилась к боковой аллее парка.

В каждом военном городке английской колониальной армии пространство между домами офицеров и местом, где живут слуги-туземцы и солдаты-сипаи, превращено в своеобразный парк. На его тенистых лужайках играют не знающие ни расовых, ни классовых различий дети – белые вместе с темнокожими. По мере того, как дети растут, их совместные игры становятся все более и более редкими.

Наступает, наконец, день, когда повинувшись повелительному зову из роскошного дома, маленький человек с белой кожей навсегда покидает своих друзей. С этого момента многие белые уже не знают дороги туда, где живут их слуги.

Эвелин подошла к живой изгороди, служившей границей парка, но тут ее остановил плеск воды, выливавшейся из ведра. В этом месте за изгородью находился колодец. Девушка пригнулась и заглянула сквозь листву. Над колодцем склонился мужчина, до пояса обнаженный. Лицо его было скрыто от Эвелин, но ей бросились в глаза свежие рубцы на спине. В волнении она затаила дыхание... Мужчина медленно вытягивал ведро из колодца. Эвелин встала на колени и развела сцепившиеся ветки. Она совсем забыла об осторожности, ей и в голову не пришло, что мог бы подумать при виде подглядывающей через дырку в изгороди белой леди любой туземец, случись ему здесь проходить.

Тем временем мужчина снял с головы чалму и развязал пояс на штанах. Мешковатые брюки упали, он переступил через них, поднял и бросил на камень у колодца. Эвелин зажала рот рукой, ее сердце застучало с невероятной быстротой... Первый раз в жизни она смотрела на обнаженного мужчину.

Перед ней стоял тхалец – высокий, стройный, мускулистый. Его кожа напоминала цвет молочного шоколада. Он повернулся к ней лицом и Эвелин с изумлением увидела, что от низа его живота параллельно крепким бедрам тянется нечто вроде трубки. "Это его половой член," – пронеслось в голове Эвелин.

Конечно, ей приходилось видеть ЭТО у коней. Она даже знала, что у коней этот орган обладает удивительным свойством менять свои размеры и формы. Она знала, что за несколько секунд он может увеличиться в несколько раз, пробыть в таком состоянии довольно долго, а потом вдруг съежиться и спрятаться. Еще она вспомнила, как одна девочка говорила ей, что если мужской член в поднятом виде дотронется до женщины, у той появится ребенок. "А вдруг он сейчас дотронется до меня?" – от страха у Эвелин заныло в животе. Инстинктивно она еще больше пригнулась к земле, чтобы хоть как-то защитить себя от обладающего столь мистической силой органа...

Тхалец неторопливо зачерпнул из ведра кружку воды и вылил себе на грудь. Вода не была прохладной, колодец прогревался солнцем, но даже на расстоянии Эвелин ощущала, как чистые струи освежают и приятно щекочут тело. Одна кружка следовала за другой, и вдруг Эвелин заметила, что половой орган тхальца начал вытягиваться и подниматься. Через

несколько мгновений он уже выдавался далеко вперед и чуть-чуть вверх. Подрагивая, он, казалось, стремился напрячься еще сильнее... Теперь он стал похож на толстую полированную трость, сделанную из прочного дерева. Сходство с палкой усиливалось тем, что разбухший член заканчивался головкой, похожей на округлый набалдашник трости. Эвелин поразил цветовой контраст: кожа на самом члене была коричневой, а на набалдашнике-головке – розово-красной. Каждая порция воды, попадая на ожившую трость, заставляла мужскую доблесть нервно вздрагивать. Эвелин показалось, что могучий орган хочет отделиться от тела, порвать с ним связь...

Мужчина взял член в руку и осторожно натянул кожицу к основанию. Эвелин увидела, что напряженную до предела головку разделяет нечто вроде уздечки. Растирая член, тхалец вылил на него полную кружку воды. И снова восставшая плоть задергалась, стали видны вздувшиеся синеватые вены... Эвелин с трудом сдерживала себя. Ей хотелось пробраться через изгородь и прикоснуться к странному коричневатому органу. Но, как и прежде, страх перед мощью и таинственной силой мужского члена удержал ее на месте. "Может быть, колдовская сила этого органа так велика, что даже если просто глядеть на него, то и тогда что-то должно произойти?" – подумала Эвелин. При этой мысли испуг ее перешел в настоящий ужас, она выпрямилась и без оглядки побежала к дому.

Очувтившись у себя в комнате, Эвелин плотно затворила дверь и легла на кровать. Ее тело пылало. Она никак не могла сообразить, что с ней происходит. То ей хотелось царапать свою кожу, то надавать себе пощечин, то броситься на пол и кататься по ковру. Особенно острым было ощущение в груди: обе груди набухли, как созревшие и готовые упасть с дерева плоды. Вскочив с постели, Эвелин направилась в комнату матери.

– Господи, девочка моя, что с тобой? Не заболела ли ты?

– Нет, мама, со мной все в порядке. Просто я задремала и видела дурной сон.

Миссис Беллингэм с облегчением вздохнула.

– Эвелин, послушай, мы с миссис Кроу договорились поехать в город. Если тебе нечего делать, может быть, ты побудешь с маленьким Джонни?

Эвелин и не заметила, что в углу на кресле сидел ее племянник, которому только что исполнилось шесть лет.

– Ну конечно, мама. Когда вы вернетесь?

– К обеду мы обязательно вернемся. Джонни, ты останешься с тетей Эвелин. Веди себя хорошо, не капризничай.

Миссис Беллингэм поцеловала дочь и вышла. Эвелин беспомощно посмотрела на ребенка.

– Подойди ко мне, Джонни.

Эвелин закрыла дверь на задвижку и легла на кровать. Мышцы ее живота напряглись, руки и ноги дрожали. Стало жарко... Она решила снять платье. Несколько секунд Эвелин испытывала смущение, ведь рядом был мальчик. Но Джонни смотрел в окно. Тогда она сбросила платье, оставшись в легкой нижней рубашке из прозрачного шелка.

– Тетя Эвелин, что это такое? Зачем это у тебя?

Джонни успел повернуться к девушке и показывал рукой на ее грудь. Эвелин почувствовала, что краснеет.

– Маленькие мальчики не должны задавать такие неприличные вопросы.

– А я видел, как мама кормила молоком сестренку. А вы можете кормить? – Джонни, еще раз тебе говорю, что про это нельзя спрашивать.

– Нет, правда, тетя Эвелин, вы можете?

Теплая волна разлилась по телу Эвелин. Ей вспомнилось, как однажды, в прошлом году, Миана помогала ей мыться в ванне и в тот момент, когда руки няни намыливали ее груди, соски

неожиданно затвердели и точно такое же тепло захлестнуло девушку, заставило забытья... В возбуждении Эвелин повернулась к мальчику.

– Джонни, иди сюда. Если я разрешу тебе попить отсюда, так же, как твоя мама кормила сестренку, ты обещаешь мне, что никому об этом не расскажешь? Ты умеешь хранить тайны?

Мальчик важно кивнул головой. Дрожа от нетерпения, Эвелин растянулась на кровати.

– Ложись рядом, Джонни, – прошептала она, приподняв ребенка, уложила его к стенке. Она спустила лямки рубашки и высвободила правую грудь.

– Не бойся. Давай...

Мальчик обхватил кончик груди и сжал его. Со стоном Эвелин притянула русую голову вплотную к себе.

– Так, так, Джонни... Возьми в рот и соси. Ну давай же...

Сосок был у мальчика во рту. Эвелин прижимала его затылок... Сильнее, еще сильнее... Она чуть не вскрикнула, почувствовав, как острые зубки неумело касаются нежной кожи... Мягкая рука сдавливала свод груди, губы охватывали сосок, причмокивая... Эвелин хотелось, чтобы грудь заполнила собой маленький ротик, чтобы его зубы впились в нее. Когда острый язычок касался самого центра набухшего возвышения, девушка вскрикивала от наслаждения. Она никогда не думала, что боль может быть такой приятной. Один из ее вскриков испугал ребенка, он резко отпрянул от нее. Эвелин всхлипнула от досады. Желание жгло ее... Никакой стыд не мог погасить этот огонь.

– Джонни, слушай. Если ты погладишь меня вот здесь, в этом месте, ты увидишь фокус. Правда-правда... Очень интересный фокус.

Медленно, как во сне, Эвелин подняла вверх юбку, сбросила трусики и расставила ноги. Провела рукой по пушистому лобку и раздвинула обрамленные золотистыми волосами большие губы. Взяла руку мальчика в свою.

– Гладь здесь и смотри...

– А что я увижу, тетя Эвелин?

– Гладь и увидишь. Вот здесь... Так... Вот так, продолжай...

Бархатными пальцами Джонни поглаживал скользкую влажную плоть. С каждым их движением там прибавлялось жидкости, истекавшей из истомленного тела. Один из пальчиков нащупал бугорок в передней части раскрытого органа. Обнаружив, что он вздрагивает при каждом прикосновении, мальчик начал играть с приподнявшимся миниатюрным органом. По телу Эвелин пробежали сладострастные разряды, словно электрические, начинавшиеся именно оттуда, из источавшего блаженство центра...

– Три, Джонни, три, – кричала Эвелин. Она боялась, что мальчик снова может остановиться. – Пожалуйста, Джонни, три... Сейчас ты увидишь фокус!

– Когда же, тетя Эвелин? – ребенок начинал хныкать.

– Сейчас, сейчас, – задыхаясь проговорила она. – Сильнее, сильнее...

Так, сейчас будет...

Что-то говорило Эвелин, что вот-вот ни с чем несравнимое наслаждение нахлынет на нее...

– Сейчас, Джонни, постарайся еще...

Ей трудно было говорить. Детские ладошки уже не ласкали и не гладили – они шлепали ярко-красную плоть, бесстыдно выставившуюся из разъятых губ.

– Еще, Джонни, еще... Еще!

Ладошки сжались в кулаки, которые колотили вокруг охваченного огнем источника наслаждения. Вдруг что-то взорвалось в нижней части живота Эвелин, давивший там тяжелый камень как будто мгновенно расплавился, его куски улетучились бесследно. Тело ее сотрясилось, спазмы каскадом следовали друг за другом...

Эвелин лежала, закрыв глаза. Руки и ноги уже не дрожали, они стали невесомыми. После полученного удовольствия хотелось спать. Она не слышала, как тонкий голосок жалобно повторял:

– Где же фокус, тетя Эвелин? Ведь ты же обещала! Где же он? Ну, где же?

* * *

На следующий день Эвелин проснулась поздно. Она не стала звать Миану, оделась сама и спустилась в столовую. Отец и мать уже заканчивали второй завтрак. Эвелин заняла свое обычное место. События вчерашнего дня не покидали ее, всплывали яркими образами... Она повернулась к отцу:

– Сегодня я думаю поехать покататься вечером, когда спадет жара.

– Пожалуйста, Эвелин, обещай мне, что всегда будешь брать с собой Абулшера. Восемнадцатилетней девушке неприлично, да и небезопасно ездить одной по местам, где полно сипаев.

Когда убрали со стола, Эвелин обернулась к слуге:

– Фаиз, сходи к Абулшеру и скажи, чтобы он приготовил лошадей к шести часам.

Через полчаса Фаиз постучал в дверь гостиной, где Эвелин разговаривала с отцом.

Поклонившись, слуга доложил:

– Мисс-сахиб, Абулшер сказал, что заболел и не сможет сегодня ехать с вами.

– Заболел? Что за ерунда!

Слова вырвались у Эвелин прежде, чем она успела подумать над их смыслом. Полковник Беллингэм поднял брови:

– Если грум заболел, возьми кого-нибудь другого. Например, Икбая, он должен быть свободен сегодня.

Эвелин закусила губу. Снова она сделала глупость.

– Спасибо, я сама разберусь.

С этими словами она поднялась и вышла.

Прошло два с лишним часа. Эвелин не находила себе места. Ярость клокотала в ее душе. Проходя по саду, она сорвала ветку с похожего на иву дерева. Оборвала с нее листья, получился гибкий, как хлыст, прут. Замахиваясь прутом то влево, то вправо, стала сбивать им цветы. Прут действовал, как острая сабля, за Эвелин потянулась по земле разноцветная цепочка. "Значит, он смеет отказываться! Я покажу ему! Я сделаю так, что его снова будут сечь! Вот так! До крови!"

Незаметно для себя Эвелин оказалась на аллее, которая вела к южной ограде – туда, где находились приземистые домики туземцев. Еще сотня шагов, и она увидела дом, перед которым была позавчера. Какая-то женщина сидела у входа; заметив Эвелин, она испуганно вскочила и скрылась внутри. "Кто она? Его жена? Или сестра?"

Остановившись перед входом, завешанным куском зеленой ткани, Эвелин негромко позвала:

– Абулшер!

Занавеска отодвинулась. Появился тхалец, его лицо было сумрачным.

– Вы звали меня?

– Да, я хочу, чтобы лошади были оседланы к шести вечера.

– Я болен. Пусть с вами поедет кто-нибудь другой.

– Но мой грум – ты, Абулшер.

– Извините, но я...

– Ты приведешь сегодня лошадей к шести часам, как я сказала. Ты притворяешься больным. Если будешь продолжать притворяться, я скажу об этом сержанту Фаригу. Ты вряд ли захочешь, чтобы тебя высекли второй раз.

Губы Абулшера сжались и вытянулись в тонкую линию – наконец-то ей удалось вызвать на его лице хоть какую-то реакцию! С металлом в голосе она произнесла:

– В общем, советую тебе выздороветь к вечеру.

Абулшер не ответил. Эвелин подождала. Он даже не смотрел на нее. Просто стоял и дожидался, когда она уйдет.

– До шести, – отрывисто бросила Эвелин, быстро повернулась и ушла.

Она была готова уже в пять. Сидела в своей комнате и нетерпеливо ждала стука в дверь. Ровно в шесть раздался голос Фаиза:

– Лошади поданы, мисс-сахиб.

В этот момент ей стало страшно. Но когда Эвелин вышла, то увидела, что Абулшер спокойно стоит между двух оседланных лошадей. Она не смогла сдержать торжествующую улыбку. Она его одолела. И теперь уже не будет его бояться!

Устроившись в седле, Эвелин направила лошадь в свое излюбленное место – где тропический лес, поддаваясь усилиям садовников, отступал и мало-помалу освобождал пространство для аккуратных рядов вечнозеленых кустарников. Абулшер следовал за нею, как безмолвная тень. Эвелин надоело молчать.

– Абулшер, я хочу, чтобы Вулкан взял барьер. Вон там, через тот ряд кустов. Ответом было едва заметное пожатие плеч.

– Ты что, не слышал? Почему не отвечаешь? Я сказала, что...

– Кусты слишком высокие.

Голос его звучал глухо и устало.

– Да нет, совсем они не высокие. Нормальные кусты. Может быть, сначала ты прыгнешь с Дэзи?

– Ей будет тяжело. Я не могу рисковать.

– Ты просто трусишь. Давай, Вулкан!

С этим возгласом Эвелин прищипорила коня и пригнулась к его холке. Вулкан удивленно крутанул мордой, боль от шпор была для него непривычной. С места он тронулся в карьер и в мгновение ока оказался перед вытянутым рядом кустов. Но здесь он вдруг оступился, обе передние ноги подогнулись. Сильный толчок выбросил Эвелин из седла прямо в заросли. На мгновение она потеряла сознание, а когда пришла в себя, то поняла, что лежит на спине, что боли нигде нет, но что она не в состоянии пошевелить ни левой, ни правой ногой. Одну ногу зажали, как в капкане, толстые нижние ветви куста, другая нога оказалась вздернутой вверх, ее защемил раздвоенный сук низкорослого дерева. Приподняв голову, Эвелин увидела, что Абулшер соскочил с лошади и бежит к ней. Приблизившись, он протянул обе руки вперед, чтобы помочь ей, но вдруг замер. Его глаза впелись туда, где между раскинутыми ногами белели воздушные, отделанные оборками и кружевами трусики. От стыда и сознания полной беспомощности Эвелин готова была расплакаться.

– Ну, помоги же мне! Что стоишь, болван?

В голосе одновременно звучали отчаяние и злость. Абулшер словно очнулся от оцепенения и начал действовать. Он нагнулся над девушкой, чтобы подхватить ее за плечо, при этом грудь его коснулась обтянутого шелком трусиков потаенного места Эвелин между широко раздвинутых ног. Эвелин глотала слезы, унижение сделалось невыносимым... В слепом гневе она подняла хлыст, который все еще судорожно сжимала правой рукой, и хлестанула тхальца по лицу.

– Грязный подонок! Туземное отродье!

Крики Эвелин заглушались рыданиями. Глаза Абулшера расширились, они приобрели цвет нефрита. Он тяжело задышал. Стремительным рывком, без всякого напряжения, Абулшер вытащил тело девушки из кустов, но не положил, а бросил на траву. Вырвал хлыст из ее руки и ударил Эвелин поперек бедер.

– Ах ты, сука! Ты получишь то, что хочешь!

Всей тяжестью он навалился на нее, его рука нащупала шелк трусов и стала рвать его.

– Ты белая сука! Тебе нужен мужчина? Хорошо, ты узнаешь, что это такое!

Эвелин закричала. Он вlepил ей пощечину, потом вторую, третью... Удары по лицу оглушили ее, но все же она услышала звук разрываемой ткани. Потом почувствовала, как сильные руки чуть приподняли ее, для того, чтобы содрать платье. Воля Эвелин была парализована, ей казалось, что она смотрит на себя, на все, что с нею сейчас происходит, откуда-то сверху... Она старалась крикнуть еще раз, позвать на помощь, но теперь, открыв рот, не сумела издать ни единого звука.

Руки Абулшера высвободили из порванного платья ее грудь, схватили обе груди, потом отпустили. Во власти сильных пальцев оказался один из сосков, пальцы перекатывали и дергали его. Вслед за пальцами к нежному бутону прикоснулись его губы, они нетерпеливо искали кончик груди, а найдя, впились в него. Затем розовый сосок ощутил прикосновение зубов.

Оторвавшись от Эвелин, тхалец поднялся и, широко раздвинув ей ноги, встал между ними на колени и снова наклонился. Эвелин увидела его зеленые глаза совсем близко, ей почудилось, что в них одна за другой вспыхивают искорки. Она вновь попыталась закричать, теперь ей это удалось, но на рот тут же легла смуглая ладонь. Пальцы сжали губы, но сейчас же силой открыли их, в рот ей втокнулся упругий и влажный язык. Язык мужчины жадно обшарил ее рот, потом вдвинулся еще дальше, почти к самой глотке. Эвелин почувствовала, что задыхается...

Она не видела, как его сильный, принявший полную длину, орган выпутался из тесной одежды. Только ощущала, как он нетерпеливо и напряженно трется о бархатистую кожу внутренней поверхности бедер. Тонкие пальцы, как щупальца, пробежали по месту, где от треугольника золотистых волос начинается заветная складка, вцепились в сжатые лепестки и разомкнули их... Секунду или две один из пальцев кружил, скользя по едва влажной поверхности. И неожиданно палец сменила торпеда концентрированной мужской силы, ринувшая вперед и вглубь Эвелин. Ничто не смогло сдержать это движение, устремленное в средоточие женского существа...

Эвелин содрогалась от мощных и жестоких ударов, которые наносил ей по самому сокровенному месту вздувшийся, переполненный прилившей кровью и желанием орган. Чтобы вытолкнуть из себя оружие пытки, девушка извивалась всем телом, билась ногами о землю, напрягала живот. Но чем больше она сопротивлялась, тем сильнее терлись ее соски о грудь тхальца, тем крепче к его ногам прижимались ее бедра, тем более неукротимой становилась страсть самца. Движения его языка во рту расprostертой на земле Эвелин следовали в едином ритме с таранящими ударами. Эвелин казалось, что с каждым толчком разрывающий ее член проникает все глубже, а проникнув, делается все больше... Руки Абулшера лежали на грудях Эвелин, без остановки массируя их, потом одна рука сдвинулась на живот, нашла заросль в паху и ухватила несколько волосков. Теперь каждое движение члена вглубь сопровождалось рывком его руки, выдергивавшей золотистую прядь. Другая рука забралась под ягодицы, защемила их, подобно клешне, чтобы толкать ее тело навстречу органу, расправлявшемуся с остатками девственности... Но этого тхальцу было мало, каждый рывок он начал дополнять укусами языка Эвелин, зажатого меж его зубов. Она почувствовала соленый вкус крови... Движения Абулшера ускорились, он тяжело задышал... Вдруг тело его напряглось в последний раз и мгновенно обмякло... В этот момент Эвелин показалось, что прорвалась какая-то плотина, и в нее хлынул поток – бесконечный, как Млечный путь на ночном небе, он впрыскивал в нее мириады искрящихся звездочек...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Было только семь утра, а солнце сияло высоко в небе. Но сад только начал прогреваться его лучами, там все еще было напоено свежестью. И высокие раскидистые деревья, и приземистые кусты, и раскрывшиеся после ночного сна чашечки цветов словно торопились надыхаться утренним воздухом, чтобы потом погрузиться в полуденный тропический зной. Воздух был совершенно прозрачен, на горизонте четко просматривались далекие вершины Гиндукуша, на их снеговых шапках, как всегда по утрам, лежали розовые блики.

Эвелин выглянула в окно своей комнаты. Утренний сад показался ей богато расшитым ковром из-за безукоризненной формы его цветников и гармоничного сочетания красок. По ее телу пробежала дрожь – все, что произошло вчера, пронеслось в ее сознании... Голова закружилась, пришлось снова лечь.

В дверь постучали, вошел Фаиз, который сказал, что Абулшер ждет ее с оседланными лошадьми. У Эвелин тревожно заныло сердце... Зачем он пришел? Ведь она вовсе не просила готовить лошадей на сегодня. Вчера в лесу она долго лежала на земле, всхлипывая время от времени. Абулшер ушел, но вскоре вернулся с каким-то старым плащом. Он поднял девушку, накинул на плечи плащ, подвел к лошади... А что было потом, как они ехали к дому, как она встретилась с родителями, как сидела с ними за обедом – все это не оставило в памяти Эвелин почти никаких следов. Сейчас вспоминать не было сил... Ее охватила такая слабость, что не хотелось открывать глаза.

Да, но он пришел. Надо что-то делать. Эвелин села на кровати, обхватив руками колени. Ничего, пусть он подождет пока она соберется с силами. Эвелин встала и прошлась по комнате. Волнение ее возрастало. Как ей встретить его? Что сказать? И вообще как ей поступить? Нужно ли рассказать все родителям?

Эвелин снова села. И стала думать об этом загадочном человеке. Она вспоминала таинственные зеленые глаза, длинные изящные пальцы, тонкую линию рта... Постепенно зрело решение. Поколебавшись еще секунду, она встряхнула головой – как это делает, выходя из воды, собака, и зашагала к выходу. Навстречу ему...

Она сразу увидела его, еще издали. Он сидел у калитки в заборе, сложенном из красного кирпича. Поводья двух лошадей покоились в его ладонях. На нем была военная форма, на голове – традиционная чалма. Он быстро встал и почтительно поздоровался.

– Салам, мисс-сахиб. Хорошо ли вы спали?

Была ли в этом приветствии скрытая усмешка или ирония? Нет, пожалуй, нет. Эвелин ответила лишь взглядом. Безмолвно она позволила Абулшеру помочь ей взобраться на лошадь. И они тронулись в путь, как и прежде она поехала впереди, он чуть поодаль.

Они долго ехали молча, оставляя слева и справа за собой поля желтой пшеницы и еще зеленой кукурузы. Несколько раз навстречу им попадались крестьяне, медленно двигавшиеся на телегах, запряженных буйволами. На их худые изможденные лица набегала слабая улыбка. Попался им навстречу и взвод солдат-сипаев, возвращавшихся с учений. Лошади время от времени поднимали головы и презрительно фыркали при виде нищенских повозок. Когда же им повстречался караван верблюдов, они замедлили шаг, чтобы уступить дорогу величественным животным.

Эвелин подумала, что она благодарна Абулшеру за его молчание. Она отпустила поводья, разрешив Вулкану идти, куда ему вздумается. На нее снисходил покой отдохнувших за ночь деревьев, на душе стало легко и даже немного весело.

Погрузившись в размышления, Эвелин не заметила, что солнечный свет померк, его заслоняли сейчас густые кроны деревьев. Без всякой команды лошади свернули с дороги,

словно им захотелось уединения. Эвелин собралась было натянуть поводья, чтобы вернуться на оживленное шоссе, но передумала...

Они двигались по едва заметной тропе, постепенно поднимавшейся в гору. Деревьев на пути было все меньше, зато появились красновато-коричневые скалы. Там, где скалы подвергались разрушительному действию ветра, они превратились в живописные руины. Среди них высились нерукотворные каменные изваяния, в некоторых угадывались человеческие фигуры. Эвелин подумала, что ночью эти фигуры выглядят как памятники на богатом кладбище.

Вскоре причудливые скалы исчезли, тропа затерялась в густой траве. Они выехали в долину, со всех сторон окруженную цепью невысоких гор. Не было никаких признаков того, что поблизости живут люди.

Внутренний голос шептал Эвелин, что надо ехать дальше, что нельзя останавливаться. Но вдруг ее талию обвила сильная рука. Ей показалось, что все ее тело пронизывают невидимые лучи, исходящие от приблизившегося к ней человека. И тут она поняла, что пребывать в потоке этих лучей будет отныне смыслом ее жизни...

Абулшер без труда подхватил девушку и пересадил на свою лошадь. Теперь Эвелин сидела на передней луке его седла, лицом к лицу с тхальцем.

Проворные тонкие пальцы скользнули к пуговицам ее жакета. Она не осмелилась противиться... Он расстегнул жакет, потом кофточку, чтобы освободить девичью грудь...

Грудь вырвалась из скрывавшей их темницы подобно двум белым голубям, выпущенным на волю из клетки. Абулшер наклонил голову к одной из них, приподнял грудь рукой, как бы взвешивая ее, и взял мягкий бледно-розовый сосок в рот. Его язык сделал несколько кругов, и кончик груди тотчас отреагировал, начал твердеть, выдавая зарождавшееся желание... Эвелин закрыла глаза и, откинувшись назад, подставила грудь под ласкающие прикосновения рук, пальцы которых то не спеша водили по чуть голубевшим венам на упругих склонах, то вращали набухшие почки сосков, принявших вид удлиненных пунцовых ягод. От переполнявшего ее наслаждения Эвелин застонала. Где-то в районе поясицы появилась дрожь, как будто натянулись и заколебались струны, возбуждающие сплетения нервов... Чтобы заглушить опьяняющее возбуждение, надо было попытаться соскочить с лошади, но единственное, что удалось ей сделать – пошевелить бедрами. В это время рука Абулшера потянулась к краю длинной юбки и подняла его высоко над коленями. Взгляд тхальца остановился на розовом шелке штанишек.

– Зачем вы, европейские женщины, носите это здесь?

Странно, но прозвучавшие слова успокоили Эвелин, прогнали страх и неуверенность. Больше того, теперь она испытывала нежность к этому человеку. Она поцеловала его в щеку и положила голову на его плечо. Но он оттолкнул ее и достал из ножен длинный нож. Одной рукой он оттянул шелк трусов Эвелин на себя, а другая рука точно рассчитанным движением отсекла и отбросила кусок ткани. Обнажился почти весь лобок – выпуклый, пушистый, обильно покрытый золотистыми волосами. Однако он вроде бы и не привлек внимания тхальца, который молниеносно извлек из прорези в брюках вздыбленный половой член. Эвелин поразила его длина, которая могла бы соперничать с длиной полицейской дубинки.

– Возьми его в рот! – негромко скомандовал Абулшер.

Эвелин застыла, она вновь испугалась, ее страшил вид колыхающегося перед глазами, напряженного органа. Абулшер схватил ее за волосы на затылке и сильно пригнул голову. От неожиданности Эвелин вскрикнула и раскрыла рот, и тут же упругий мужской орган оказался у нее во рту. С удивлением она обнаружила, что не ощущает ни брезгливости, ни неприязни. Напротив, она готова была торжествовать, сознавая свою власть над мужской силой. Ведь сейчас, если она захочет, то может своими зубами сделать ему очень больно. А может даже перекусить его! Но нет, нет, она не будет делать ни то, ни другое. Робко она провела языком по самой верхушке органа... Кончик языка нащупал желобок с углублением. Орган дернулся, даже подпрыгнул. Значит, ему приятно! Вал нового возбуждения обрушился на Эвелин, ее сводила с

ума сама мысль о том, что она может подчинить себе это, такое страшное на первый взгляд, орудие. Исступленно она принялась сосать, покусывая, обхваченный губами член, сдавливать его основание рукой, дергать растущие вокруг курчавые черные волоски. Низко склонившись над стоявшим вертикально мужским членом, она вцепилась в него своим ртом, как собака в лакомую кость...

А руки Абулшера, глядя Эвелин по спине, дошли до тяжелых полушарий ягодиц и чуть раздвинули их. С силой, но вместе с тем мягко, округлая девичья попочка была приподнята над седлом – чтобы дать дорогу жадным пальцам, искавшим потаенный вход. Она задрожала, почувствовав, как грубоватые подушечки пальцев ласкают глубокий колодец, ведущий к самому центру ее существа, и как ее тело, отвечая ласковым прикосновениям, излучает флюиды страсти...

Неожиданно он высвободил свой твердый как камень орган из сжимающего его рта и резким движением поднял тело Эвелин вверх – на какое-то мгновение девушка оказалась висящей между небом и землей. Опустив вниз, он посадил ее, как на кол, на твердый член. Копье из мужской плоти вонзилось в ждущую глубину, достало чуть не до самого сердца, но вызвало отнюдь не боль, а невероятную сладость... Эвелин почувствовала, что лошадь под ними больше не стоит на месте. И правда – сейчас Дэзи неторопливо шла по траве. Каждый ее шаг отзывался приятным толчком в лоне Эвелин, вдоль внутренних плотных стенок скользил туда и сюда, в такт движениям лошади, не теряющий упругости член. Ей захотелось забыть обо всем на свете, лишь бы эти движения, которые доставляли ей непередаваемое наслаждение, не кончались...

Как будто откуда-то издалека до Эвелин долетел тихий смех. Это смеялся тхалец. Лошадь перешла на рысь, а затем на быстрый бег. Эвелин сравнила себя с бабочкой, которую поймали и пришили булавкой. Только вместо булавки – огромный мужской орган... Каждый выпад мускулистых плеч лошади, вдвигал его все глубже и глубже... Это длилось до тех пор, пока она не почувствовала, как все тело мужчины на мгновение словно одеревенело и как сдерживаемая река его желаний вышла, наконец, из берегов и хлынула навстречу тому, что уже давно истекало струями женского вожделения... И это вожделение уступило место осязавшемуся каждой ее клеточкой удовлетворению...

* * *

...Эта страсть не покидает меня. Все, что раньше занимало меня, потеряло всякий интерес. Я живу в пустоте, которая отделяет друг от друга те неизъяснимые мгновения, в которые я получаю то, на что нацелена теперь моя жизнь. Я не знаю, к чему все это приведет и чем закончится. Ведь он – лишь слуга и язычник, которому недоступна христианская благодетель. Я осознаю свое падение и не надеюсь, что смогу когда-нибудь искупить свой грех. Сейчас у меня нет ничего общего даже с близкими людьми. Я покидаю их, хотя, может быть, меня ждет судьба тех бездомных собак, которые от тоски воют по ночам на луну. Боже, спаси мою душу.

Эвелин Беллингэм, Саргохабад, 20 мая 1900 года. Это – часть записки, которую потом найдут в одной из книг Эвелин, и которая была написана в тот день, когда она поставила крест на всей прошлой жизни, будучи не в силах совладать с захлестнувшей ее страстью.

Она встречалась с Абулшером ежедневно, но и этого ей было недостаточно, ее тянуло к нему так, что ей было нужно видеть его два или три раза на день... И не только просто видеть...

Ослепленная желанием, она пренебрегала элементарной осторожностью, совсем не думала о риске, который несло с собой подчас даже мимолетное свидание.

Наилучшими для встреч были послеполуденные часы, когда солнце, перевалив через зенит, палило нещадно. Все живое стремилось укрыться от жары. Обитатели господских домов спали, а слуги, если и делали что-нибудь, то еле-еле, точно сонные мухи.

Эвелин лежала в темной камере. Чтобы одежда не прилипла к влажной от пота коже, она сбросила с себя все. Жена Абулшера уехала на неделю к родственникам, и Эвелин, пользуясь этим, дважды в день тайком пробиралась к нему в дом. Ей нравилась эта крошечная комнатка, большую часть которой занимала деревянная, крепко сколоченная кровать, покрытая лоскутным одеялом. В углу стоял сооруженный из большого ящика шкаф, его полки были уставлены глиняными мисками, кувшинами и чашками. Он стыдился своей бедности и, кроме того, не желал лишний раз рисковать.

– Вам жарко, мисс-сахиб?

– Нет...

Немного...

Она повернулась на бок, старая кровать заскрипела. В слабых лучах солнца, едва пробивавшихся сюда, ее тело светилось, словно жемчуг.

– Ваше тело... Оно такое белоснежное... Как у гурии...

– Гурии?

– ре!

Вся спина привязанного к столбу человека уже представляла собой сплошное кровавое месиво, с боков свисали узкие рваные полоски кожи. Не отрываясь, Эвелин смотрела на происходящее. Сердце ее часто билось. Человек у столба был негибким, жестокая пытка не достигала нужных палачу результатов...

– Сорок пять!.. Сорок шесть!

Эвелин почувствовала, как на нее накатывает волна страшного возбуждения. Ей вдруг захотелось, чтобы боль от ударов «девятихвостки» стала еще мучительнее.

– Быстрее, – прошептала она. – Сильнее!.. Бей его! Сильнее!

Теперь Эвелин ловила каждое движение бича. Прильнув к кустарнику, она ощутила, как охватившее ее возбуждение сменяется острым дотеле неведомым удовольствием...

И вдруг тхалец покачнулся. Окровавленное туловище накренилось, ноги подкосились... Через секунду у столба лежало нечто бесформенное... Но не безжизненное – издали было видно, как измученное тело то и дело сводило судороги...

Эвелин закрыла глаза. Ее подташнивало, ноги и руки онемели. Между ногами почему-то стало мокро. От этого ощущения затошнило еще больше. Потом надвинулся непонятный страх. Собрав все силы, Эвелин в последний раз посмотрела на кровоточащее тело и бросилась к дому.

* * *

Солнце собиралось садиться. Настенные часы пробили пять раз. Птицы в саду сбились в суетливые стаи, своим щебетанием возвещая о скорой прохладе. Послышался удаленный звук горна, предназначенный для солдат Ее Величества и говорил о завершении очередного дня их службы. Миссис Элизабет Беллингэм, жена командира полка, торопилась покинуть сад, мелкими шажками она семенила по посыпанной белым песком дорожке. Чтобы не запачкать длинную темно-синюю юбку, она аккуратно приподняла ее край и придерживала в дюйме от земли.

– Эвелин, ты не забыла про сегодняшний вечер? Пора одеваться!

– Она в ванной, мэм-сахиб, – ответила вездесущая Миана.

Когда до Эвелин долетели слова матери, она уже держала в руках полотенце. Перед ней на деревянном столике стояло небольшое круглое зеркало. Эвелин внимательно осмотрела свое лицо. В зеркале отразились большие голубые глаза и маленький, чуть вздернутый нос. Когда-то в детстве у нее были веснушки, теперь не осталось ни одной. Она приоткрыла рот и оскалила зубы. Все в порядке. Хотя не совсем – у одного еще в прошлом году обломился кусочек. Но

это незаметно. Эвелин плотно сжала губы, они показались ей бледными. Чтобы покраснели, надо их немного покусать. Так хорошо...

Забросив за спину длинные светлые волосы, она взяла зеркало в руку и поднесла к грудям, снизу, сперва к одной, потом к другой. Критически посмотрела сверху и осталась довольна: в зеркале отражались почти идеальные полусферы почти молочного цвета. И в центре каждого – как будто ягоды лесной земляники... Двигая зеркало вниз, Эвелин опустила его на уровень живота, а рукой обвела круглое углубление пупка. Сдвинула руку еще ниже, к пушистому холмику, сплошь покрытому вьющимися золотистыми волосами. Здесь она заколебалась, бросила быстрый взгляд на дверь, чтобы убедиться что она закрыта. Вытянула вперед одну ногу и положила на стул, стоящий рядом со столом. Осторожно поместила зеркало между ногами... Раздвинула рукой густо заросшие складки больших губ. Когда те открылись, появились другие, совсем маленькие губки... Эвелин нагнулась и нетерпеливо заглянула в узкий розовый канал... Еще раз смущенно оглянувшись на дверь, вдвинула чуть-чуть указательный палец в розовый вход. Тут же испугавшись вынула его и начала нежно массировать гладкую и влажную плоть. Сначала движения пальца были круговыми, потом стали продольными, более резкими, палец своей подушечкой надавливал на алеющую, трепещущую кожу малых губ. Назад, вниз и обратно – к животу! Снова назад и обратно вверх! Еще! Еще! Еще! Инстинкт подсказывал Эвелин, что в этих движениях чего-то не хватает. А что, если потрогать эту маленькую почку, слегка нависающую над входом в раскрывающуюся глубину, если прижать этот комочек, а потом отпустить... Как это приятно! Какое наслаждение! А если этому пальцу (он совсем мокрый) помогать другим?

– Мисс-сахиб Эвелин, вы готовы?

В панике Эвелин выпрямилась, убрала ногу со стула, положила зеркало на столик.

– Ваша мама ждет вас.

– Да, Миана, зайди пожалуйста. Ты сможешь мне одеться.

Грузная няня, переваливаясь точно утка с боку на бок, вошла в комнату. В руках она держала новое платье Эвелин, сшитое из оранжевых кружев. Миана помогла девушке расчесать длинные волосы, вдвоем они разделили их на два отливавшие золотом крыла, сплели тяжелые косы, которые уложили на голове в виде короны. Потом няня затянула на Эвелин корсет из китового уса – это сделало талию девушки удивительно узкой. После этого Миана поднесла Эвелин нижнюю юбку с накрахмаленным криолином и ловко надела ее сверху, через голову. Еще три минуты и на Эвелин уже было бальное кружевное платье. В то время, как Миана, неуклюже шевеля толстыми пальцами застегивала одну за другой перламутровые пуговицы на спине воспитанницы, Эвелин решила вернуться к тем вопросам, которые уже задавала утром.

– Миана, пожалуйста, скажи – за что сегодня наказывали сипая?

– Когда вы перестанете быть такой назойливой, мисс-сахиб? С вашим любопытством легко можно напроситься на неприятности.

– Но я не спрашиваю ничего особенного. Мне просто интересно.

– Да я толком и не знаю в чем дело. Ведь этот сипай – с севера, а здесь многие из тех мест пользуются дурной славой.

– Ну и что, что с севера? Чем он провинился?

– Я сказала, что не знаю. Наверное, отказался выполнить какой-нибудь приказ... Скорее, вам уже пора.

Эвелин вздохнула. В гарнизоне Миана славилась тем, что была в курсе всех повседневных дел. Что бы ни произошло в семье английского офицера или в жизни солдат-сипаев, в тот же день это становилось ей известным. И в общем-то Миане нравилось, когда ее приглашали на чашку чая, чтобы посплетничать. Но иногда, по непонятным причинам, Миана делалась неприступной, из нее невозможно было вытянуть ни слова. Эвелин поняла, что сейчас как раз такой случай и с этим ничего не поделаешь...

* * *

Зал, в котором все было готово к танцам, сиял множеством огней. На эстраде расположился военный оркестр, сегодня он был представлен музыкантами кавалерийского полка – это было заметно по алым мундирам, расшитым золотыми галунами. Красавец-дирижер взмахнул палочкой и полились звуки первого вальса. Женские платья, по большей части выписанные из Англии, соперничали друг с другом в стремлении не отстать от парижской моды. Среди блестящих офицерских мундиров попадались клетчатые юбки шотландцев, забавно выглядывшие над волосатыми ногами...

На расставленных вдоль стен креслах восседали мамы, не спускавшие глаз с дочерей, вальсировавших с молодыми офицерами. Женатые офицеры не танцевали, вместе со старшими командирами они собрались в противоположном от оркестра конце зала. Смуглокожие слуги лавировали меж ними, ловко держа на вытянутой руке поднос с фужерами. Однако, наибольшее удовольствие от бала получали, казалось, те, кто был вне зала. Снаружи, у каждого окна толпились закутанные в сари женщины, у многих на руках были дети. Завороженно наблюдали они за непонятным поведением круживших парами белых людей, расширенные глаза с изумлением вопрошали, как можно прилюдно предаваться столь интимному ритуалу.

Откинув голову назад, Эвелин танцевала с недавно прибывшим в Индию лейтенантом. Ей нравился вальс, и она охотно отдавала себя во власть ритма музыки и крепких рук партнера. Опьяняющий экстаз сделал тело воздушным, невесомым, ни о чем не хотелось думать, а закрыть глаза и кружиться, кружиться...

Внезапно Эвелин услышала голос своего отца. Да, это был он. Сейчас она и ее кавалер были возле группы офицеров, в центре которой стояли полковник Беллингэм и майор Грэнвилл.

– Что будем делать с сипаем? Ему сегодня здорово досталось? – спросил Грэнвилл.

– с Абулшером? Вообще-то он неплохой парень. Только, как все эти тхальцы, слишком уж своевольный. Может заупрямиться и не выполнить приказ. Но выгонять его не стоит. Он ведь настоящий кудесник по части лошадей. Они слушаются его, как никого другого. Лучше всего было бы приставить его конюхом в дом к кому-нибудь из старших офицеров. Может быть, к вам, Грэнвилл?

– Нет, спасибо, у меня хороший конюх. Но я знаю, что ваша Эвелин часто ездит верхом по окрестностям. Причем одна. А это небезопасно! Что если вам взять Абулшера для Эвелин? Он стал бы, как раньше говорили, ее грумом.

– Гм, пожалуй, это хорошая идея. Завтра же утром поговорю об этом с Фаригом. Говорят, что на севере, у мусульман, принято относиться к женщинам с особым почтением. Во всяком случае, собственных жен они так оберегают, что держат их взаперти.

И оба рассмеялись.

Сердце Эвелин замерло, потом учащенно забилось. С эстрады неслись последние аккорды очередного танца. Эвелин кивнула лейтенанту, извинилась и торопливо направилась в сторону дамской туалетной комнаты. Но не вошла туда, а устремилась к выходу. Привратник открыл ей дверь и Эвелин вышла в сад.

Попад из ярко освещенного зала в темноту, она остановилась. Наступившая ночь наполнилась треском цикад и кваканьем древесных лягушек. А где-то далеко раздавался вой голодной гиены. Понемногу глаза Эвелин освоились, и она зашагала к конюшням, темневшим за оградой. Пройдя половину пути, она замедлила шаги. "Что я делаю? Куда иду? К нему? А зачем? Что я ему скажу?". Но ответов не было, перед глазами стояло манящее к себе бронзовое тело, вздрагивающая перед каждым ударом бича спина, стекающие по ней ручейки крови...

За спиной девушки послышались тяжелые шаги. Испуганно оглянувшись, она узнала Насима, слугу своего отца. Он тоже узнал ее.

– Мисс-сахиб Эвелин, что вы здесь делаете?

– Я...

Я хочу видеть... Абулшера.

– Абулшера?!

– Да, его. Он теперь будет заниматься моими лошадьми, об этом я и хотела бы с ним поговорить.

– Зачем вам утруждать себя, мисс-сахиб? Я передам ему все ваши распоряжения. И прослежу, чтобы все было сделано.

– Нет, мне...

Мне надо самой. Будь добр, вызови Абулшера сюда.

– Как вами угодно, мисс-сахиб.

Задержав на Эвелин удивленный взгляд, Насим удалился. Она стала ждать. Время тянулось томительно долго. Сейчас в Эвелин боролись два противоположных желания: броситься бежать отсюда и видеть человека, притягивавшего к себе, подобно магниту. Танцы еще, конечно, продолжаются. Там, среди огней и цветов, так уютно... И главное – безопасно. Эвелин уже сделала шаг, но неведомая сила сковала ее движения. "Господи, как это глупо. Чего я боюсь? Он всего-навсего слуга. Какая я дура! Надо взять себя в руки... Господи, пусть он выйдет..."

– Мисс-сахиб...

Голос был тихим, но в ушах Эвелин произнесенное слово прозвучало как выстрел. – Вы...

Ты...

Нужные слова не шли на ум Эвелин. Лицо тхалеца выражало недоумение.

– Вы звали меня?

Только теперь Эвелин взглянула на него. Ее удивило, что вблизи Абулшер оказался еще выше, чем представлялось издали. Тхалец был одет в длинную белую рубаху навыпуск, она доходила ему до колен. На голове не было чалмы, черные волосы были коротко подстрижены. Несмотря на темноту, Эвелин рассмотрела его глаза – зеленые и холодные.

– Вы хотели видеть меня? – повторил тхалец.

– Да... Я...

Ты будешь моим грумом, и я хочу покататься верхом завтра утром, еще до завтрака... Так что подготовь Вулкана к половине восьмого. А себе можешь взять Дэзи.

– Понятно. Будет сделано. Это все, мисс-сахиб?

В заданном вопросе можно было различить замаскированную усмешку.

– Да, все. Но... – она запнулась. – Надеюсь, ты можешь ехать верхом?

– Я не болен.

Эвелин почувствовала, что у нее краснеют щеки. Своим вопросом она хотела выразить сострадание, а тхалец делал вид, что не понимает этого. Нахмутив брови, Эвелин промолвила:

– Так что, для тебя это нормально, когда тебя бьют?

Тотчас зеленые глаза остекленели. И даже как будто засветились в темноте, подобно кошачьим. В какой-то момент Эвелин показалось, что Абулшер готов ударить ее. Следующая фраза далась ему явно с трудом.

– Это все, мисс-сахиб?

– Да, – прошептала она.

– Я буду ровно в семь тридцать у вашего дома, мисс-са скотина! Я тебе это припомню! Я научу тебя, как себя нужно вести!" Вдруг Эвелин сообразила, что грозитя точно так же, как ее отец, когда устраивает очередной разнос туземцам. Это дало ей разрядку. Улыбнувшись,

Эвелин пошла по дорожке, ведущей к зданию, в котором еще полчаса назад она так безмятежно отдавалась ритму вальса. В дверях парадного входа она столкнулась с Фрэнсисом.

– Эвелин, ну куда же вы пропали? Ваша матушка вне себя!

– Я ходила к конюхам, чтобы распорядится на счет лошадей на за скотина! Я тебе это припомню! Я научу тебя, как себя нужно вести!" Вдруг Эвелин сообразила, что грозитя точно так же, как ее отец, когда устраивает очередной разнос туземцам. Это дало ей разрядку. Улыбнувшись, Эвелин пошла по дорожке, ведущей к зданию, в котором еще полчаса назад она так безмятежно отдавалась ритму вальса. В дверях парадного входа она столкнулась с Фрэнсисом.

– Эвелин, ну куда же вы пропали? Ваша матушка вне себя!

– Я ходила к конюхам, чтобы распорядится на счет лошадей на завтра.

– Но я бы сделал это для вас, надо было только сказать мне. Как вы можете одна ходить ночью по местам, где живут туземцы? Они не любят, когда белые интересуются их жизнью. Я уж не говорю, что ваша мама волнуется...

Эвелин увидела, что ее мать как раз спускается с лестницы. Ее лицо не предвещало ничего хорошего, сейчас разразится скандал.

– Быстро, Фрэнсис, пошли танцевать!

Он понимающе улыбнулся и взял ее под руку.

– Хорошо, Эвелин, но больше вы не делайте так.

И снова она погрузилась в волны музыки... Чувствовала у себя на талии сильную руку. Опустив веки, представляла себе, что эта рука принадлежит человеку с зелеными глазами...

* * *

Уже целый час они ехали верхом. Эвелин впереди, Абулшер следовал за ней на почтительном расстоянии. Она плохо выспалась, всю ночь во сне кто-то гнался за ней. Несколько раз она пробовала заговорить со своим провожатым, но каждый раз он отвечал вежливо, но односложно. Это злило Эвелин.

– Поворачиваем обратно, – скомандовала она.

Не говоря ни слова, тхалец развернул свою лошадь. Теперь девушка видела его спину. Неожиданно Эвелин захотелось замахнуться хлыстом и со всей силой ударить по белой рубашке – так, чтобы на ней выступила кровь...

– Почему ваши мужчины так плохо относятся к своим женам?

– Почему плохо, мисс-сахиб?

– Они у вас сидят взаперти, у них нет никаких развлечений.

– Это не так, мисс-сахиб. Развлечений у них хватает.

Опять в его словах чувствовалась скрытая усмешка.

– Никакие развлечения не могут заменить свободу, – повысила голос Эвелин. Абулшер не ответил. Весь путь до дома они проехали в полном молчании. У ворот Эвелин спрыгнула на землю, небрежно бросила тхальцу поводья и кивком головы дала понять, что на сегодня он свободен.

* * *

В этот день Эвелин не знала, чем ей заняться. Долго со скучающим выражением лица слонялась из комнаты в комнату. Когда около полудня мать предложила ей навестить заболевшую жену капитана Роджерса, Эвелин так охотно согласилась, что миссис Беллингэм удивилась.

У миссис Роджерс был очередной приступ тропической лихорадки. Ее нудный рассказ о том, как на нее действуют принимаемые лекарства, быстро утомил Эвелин. Выбрав удобный

момент, она пожаловалась на головную боль и попросила у матери разрешения отправиться домой. Вернувшись к себе, Эвелин вновь ощутила тоску и одиночество. Пробовала читать, долго лежала на диване в гостиной. Желание чего-то неизведанного не давало ей покоя. В конце концов она вышла из дома и направилась к боковой аллее парка.

В каждом военном городке английской колониальной армии пространство между домами офицеров и местом, где живут слуги-туземцы и солдаты-сипаи, превращено в своеобразный парк. На его тенистых лужайках играют не знающие ни расовых, ни классовых различий дети – белые вместе с темнокожими. По мере того, как дети растут, их совместные игры становятся все более и более редкими. Наступает, наконец, день, когда повинувшись повелительному зову из роскошного дома, маленький человек с белой кожей навсегда покидает своих друзей. С этого момента многие белые уже не знают дороги туда, где живут их слуги.

Эвелин подошла к живой изгороди, служившей границей парка, но тут ее остановил плеск воды, выливавшейся из ведра. В этом месте за изгородью находился колодец. Девушка пригнулась и заглянула сквозь листву. Над колодцем склонился мужчина, до пояса обнаженный. Лицо его было скрыто от Эвелин, но ей бросились в глаза свежие рубцы на спине. В волнении она затаила дыхание... Мужчина медленно вытягивал ведро из колодца. Эвелин встала на колени и развела сцепившиеся ветки. Она совсем забыла об осторожности, ей и в голову не пришло, что мог бы подумать при виде подглядывающей через дырку в изгороди белой леди любой туземец, случись ему здесь проходить.

Тем временем мужчина снял с головы чалму и развязал пояс на штанах. Мешковатые брюки упали, он переступил через них, поднял и бросил на камень у колодца. Эвелин зажала рот рукой, ее сердце застучало с невероятной быстротой... Первый раз в жизни она смотрела на обнаженного мужчину.

Перед ней стоял тхалец – высокий, стройный, мускулистый. Его кожа напоминала цвет молочного шоколада. Он повернулся к ней лицом и Эвелин с изумлением увидела, что от низа его живота параллельно крепким бедрам тянется нечто вроде трубки. "Это его половой член," – пронеслось в голове Эвелин. Конечно, ей приходилось видеть ЭТО у коней. Она даже знала, что у коней этот орган обладает удивительным свойством менять свои размеры и формы. Она знала, что за несколько секунд он может увеличиться в несколько раз, побыть в таком состоянии довольно долго, а потом вдруг съежиться и спрятаться. Еще она вспомнила, как одна девочка говорила ей, что если мужской член в поднятом виде дотронется до женщины, у той появится ребенок. "А вдруг он сейчас дотронется до меня?" – от страха у Эвелин заныло в животе. Инстинктивно она еще больше пригнулась к земле, чтобы хоть как-то защитить себя от обладающего столь мистической силой органа...

Тхалец неторопливо зачерпнул из ведра кружку воды и вылил себе на грудь. Вода не была прохладной, колодец прогревался солнцем, но даже на расстоянии Эвелин ощущала, как чистые струи освежают и приятно щекочут тело. Одна кружка следовала за другой, и вдруг Эвелин заметила, что половой орган тхальца начал вытягиваться и подниматься. Через несколько мгновений он уже выдавался далеко вперед и чуть-чуть вверх. Подрагивая, он, казалось, стремился напрячься еще сильнее... Теперь он стал похож на толстую полированную трость, сделанную из прочного дерева. Сходство с палкой усиливалось тем, что разбухший член заканчивался головкой, похожей на округлый набалдашник трости. Эвелин поразил цветовой контраст: кожа на самом члене была коричневой, а на набалдашнике-головке – розово-красной. Каждая порция воды, попадая на ожившую трость, заставляла мужскую доблесть нервно вздрагивать. Эвелин показалось, что могучий орган хочет отделиться от тела, порвать с ним связь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.